

Н. С. Лесков. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Н. С. Лесков. Максим Горький

Николай Семёнович Лесков – уроженец одной из наиболее тёмных губерний Московской области, он – орловец. На родине его и до сего дня сохранились "курные" избы, печи в них без труб и топятся "по-чёрному", так что весь дым валит в избу, выедавая глаза её обитателям, покрывая стены и потолок густым слоем сажи. Эти первобытные логовища очень дороги орловскому народу, Лесков в рассказе "Загон" интересно описал, до чего крепко привыкли мужики к своей "курной" избе.

Дед Лескова был священник, бабушка – купчиха, отец – чиновник, мать дворянка; таким образом, писатель объединил в себе кровь четырёх сословий, но очень вероятно, что наиболее глубокое влияние оказал на него человек пятого сословия – солдатка-нянька, крепостная, рассказы которой – как он сам говорил – были "то сладкою сыт'ой кисловатому киселю жизни, то полезной горчицей жирному свинству её".

Он знал народ с детства; к тридцати годам объездил всю Великороссию, побывал в степных губерниях, долго жил на Украине – в области несколько иного быта, иной культуры, а пожить на чужой стороне – всё равно, что посмотреть на себя самого чужими глазами. Он взялся за труд писателя зрелым человеком, превосходно вооружённый не книжным, а подлинным знанием народной жизни. Он прекрасно чувствовал то неуловимое, что называется "душою народа".

Литературная деятельность Лескова началась тяжёлой для него драмой, которая могла бы и не разыгаться, если бы русские интеллигентные люди умели относиться друг к другу более внимательно и бережно, – что и до сего дня необходимо ввиду количественного ничтожества интеллектуальных сил в нашей стране. Но издревле русские люди болеют стремлением "разбрестись" розно, и в первый же год своей работы в Петербурге Лесков получил удар в сердце, совершенно не заслуженный им.

Летом 1862 года в Петербурге возникли подозрительные частые пожары, кто-то пустил слух, что это от поджогов, а поджигают студенты. Лесков напечатал в газете статью, требуя, чтоб власть или представила ясные доказательства участия студентов в поджогах, или немедленно и решительно опровергла клевету на них. Легкомысленные люди истолковали статью так, что будто бы именно Лесков приписывает поджоги буйному студенчеству. Он неоднократно опровергал это злостное недоразумение, но ему не поверили, ибо всегда и легче и как-то приятнее осудить человека, чем оправдать его; а у нас, на святой Руси, осуждают ближнего с таким наслаждением самолюбования, что, можно думать, родоначальником русского племени был описанный в евангелии фарисей.

Опрокинутый нелепым обвинением, не имея друзей и защитников, не сумев защитить сам себя, Лесков, новичок и чужой в литературном мире, уехал в Прагу, потом – в Париж и там, страдая от обиды, нанесённой ему, дал – к сожалению – волю чувству мести, написав книгу "Некуда" – нечто вроде хроники "на злобу дня". В этой книге интеллигенция шестидесятых годов была изображена довольно злостно и, между прочим, некрасиво описан умный и талантливый писатель В.А.Слепцов – автор очень хорошей повести "Трудное время". "Некуда" – книга, прежде всего, плохо написанная, в ней всюду чувствуется, что автор слишком мало знает людей, о которых говорит. Задача книги – обличение "нигилизма"; так называлось настроение умов молодёжи той эпохи; возбудителем нигилизма было юношески дерзкое желание сразу, одним махом порвать все связи с прошлым страны, только что освобождённой от векового рабства, очиститься от всех наслоений политического и церковного гнёта, особенно тяжкого и бессмысленного в годы царствования Николая Первого.

В героическом порыве молодёжи выпрыгнуть из гнилого, ржавого болота дореформенной жизни коренилось здоровое начало, – этого Лесков не понял или недостаточно оценил значение этого буйства. Но трезвый ум его, доступный сомнению, хорошо понимал, что прошлое – горб каждого из нас, что человек лучше всего выпрямляется только силою непрерывного, но осторожного напряжения духа и что на Руси мало людей, способных единым усилием воли сбросить со своих плеч тяжёлое бремя истории. Видя в "новых" людях всё, что они несли от прошлого, он просмотрел в них ценное для будущего. В романе "Некуда" почти все люди – злые или смешные уродцы, они оторваны от действительности, бессильны, болтливы, хвастливы, и всем им "некуда" идти.

Но особенно важно для Лескова то, что в этой книге, среди толпы людей жалких и нечестных, Лесков нашёл героя по душе себе, – это Райнер, идеалист, чудаковатый и несколько похожий на Рахметова в знаменитом романе Чернышевского "Что делать?". Этот Райнер именует себя социалистом, открыто ведёт революционную пропаганду в России и погибает, как герой, в бою, во время польского восстания 1863 года. Лесков окружил Райнера сиянием благородства и почти святости, но роман "Некуда" возбудил общее негодование, его сочли доносом на революционеров и единодушно обругали. Дошло до того, что известный критик Писарев спрашивал в своей статье: "Найдётся ли хоть один честный писатель, который согласится работать в одном журнале с Лесковым?"

Это было почти убийство. Тогда Лесков – ожесточённый до бешенства наскоро написал большой и во всех отношениях скверный роман "На ножах"; в этом романе нигилисты изображены ещё хуже, чем в "Некуда", до смешного мрачно, неумно, бессильно, – точно Лесков хотел доказать, что иногда злоба бывает ещё более жалкой и нищей духом, чем глупость. Но и в эту книгу злого отчаяния, книгу личной мести, где все герои – шантажисты, воры, убийцы, автор ввёл странное лицо – Анну Скокову, девицу-революционерку, смешную внешне; суматошная, она говорит скороговоркой и, знакомясь, называет себя Ванскок. Эта девица – тип, мастерски выхваченный из жизни рукою художника, изображённый удивительно искусно, жизненный до обмана, – таких Ванскок русское революционное движение создавало десятками. Существо недалёкое, почти глуповатое, Ванскок неумоима, исполнена самозабвения, готова сделать всё, что её заставят люди, которым она – сама святая – свято верит. Если её пошлют убить – она убьёт, но она же, сидя в тюрьме, будет любовно чинить грязную рубаху злейшего партийного врага; она может, не насилуя себя, перевязать рану человека, который накануне избил её, может месяцами задыхаться в подвале, работая в тайной типографии, прятать на груди у себя заряженные бомбы и капсулы гремучей ртути, может улыбаться, когда её мучают, даже способна пожалеть мучителей за бесполезность их труда над телом её и в любую минуту готова умереть "за други своя".

Этот человек – орудие, но это и святой человек, смешной, но прекрасный, точно добрая фея сказки, человек, воспламенённый неугасимой, трепетной любовью к людям – священной любовью, хотя она и напоминает слепую привязанность собаки.

Такие маленькие великие люди, весёлые великомученики любви своей ради, – они из лучших людей нашей страны, обильной "рыцарями на час" и позорно бедной героями на всю жизнь. Может быть, гордость такими людьми печальна в сущности своей, но всё-таки это люди, о которых можно сказать: они изжили зверя в себе. Величайшая заслуга Лескова в том, что он прекрасно чувствовал этих людей и великолепно изображал их.

После злого романа "На ножах" литературное творчество Лескова сразу становится яркой живописью или, скорее, иконописью, – он начинает создавать для России иконостас её святых и праведников. Он как бы поставил целью себе ободрить, воодушевить Русь, измученную рабством, опоздавшую жить, вшивую и грязную, вороватую и пьяную, глупую и жестокую страну, где люди всех классов и сословий умеют быть одинаково несчастными, – проклятую страну, которую надо любить и почему-то необходимо любить так, чтобы сердце каждый день и час кровью плакало от мучений этой любви, столь похожей на пытку невинного сладострастным мучителем.

Лесков понимал, как никто до него, что человек имеет право быть утешен и обласкан, человек должен уметь ласкать и утешать. Он писал жития святых дурачков русских, его герои, конечно, люди сомнительной святости, ибо у них совершенно и никогда нет времени подумать о своём личном спасении – они непрерывно заботятся только о спасении и утешении ближних. Они не уходят от мира в пустыню фиваиды, в дремучие леса, пещеры и скиты, дабы наедине с богом умолять его о причастии чистой и пресветлой райской жизни, – они неразумно лезут в густейшую грязь земной жизни, где погряз человек, захлёбываясь кровью, дико ноя от жадности и зависти, соревнуя с дьяволом в жестокости и злобе. Они, вероятно, ничего не сделают или сделают так же мало, как преподобные церковные и светские отшельники и пустынножители, что, стремясь к познанию бога, забывают о человеке и, оправдывая бессилие его неблагой мудрости, неспособной устроить жизнь человечью менее зверски, – беспощадно осуждают человека.

Ум Лескова – ум трезвый и недоверчивый, он во всём сомневается, но задачу

Н. С. Лесков. Максим Горький gorkiymaxim.ru

оправдать Русь, написать милые иконы её праведников для радости грешных, - эту задачу он поставил не от ума, а от сердца. И потому его Вансок, Райнер и все другие, очарованные любовью к жизни и людям странники мира сего, так прелестно жизненны, так физически ощутимы сердцу непредубеждённого и вдумчивого читателя.

В семидесятых годах, когда Лесков написал великолепную книгу "Соборяне" и начал печатать один за другим свои лукавые рассказы, а в ту пору главным и, пожалуй, единственным героем русской литературы был мужик, голоса почти всех писателей и журналистов сливались в хоровую песнь славословия разуму и сердцу народа. Интеллигенция ожидала, что народ, освобождённый от цепей физического рабства, расправит мощные крылья и орлиным взлётом вознесётся дальше - к свободе гражданской и духовной. Интеллигенция той эпохи находилась в жестоком подозрении у глупой власти, которая и не хотела - да и желая, не сумела бы - пользоваться её силами, она не находила себе места и в мире торгово-промышленном, неразвитом и некультурном, она мечтала о замене бездушной и бездарной монархии конституционным строем и была твёрдо уверена, что мужик, хотя и вчерашний раб, но - мирской человек, общинник - превосходно понимает выгоды представительного правления. Искренно верили, что деревня жаждет знаний, молитвенно несли ей свои лучшие мысли, чувства и всё, что было наскоро высосано из книг; молодёжь десятками уходила "в народ", а журналисты и писатели провожали уходящих "без страха и сомненья на подвиг доблестный" пламенными напутствиями в стихах и прозе.

В огромном большинстве своём люди верующие настолько же нетерпимы, - и потому сугубо вредны, - насколько неверы совершенно непригодны для дела жизни. Русские же люди издревле живут преимущественно чувством веры - у нас даже нигилисты (от латинского слова nihil, нигиль - ничего) были, прежде всего, люди фанатической веры в догмат свой. Страдая избытком веры при недостатке любви и уважения к человеку, люди плохо поняли Лескова, - он же, будучи маловером и скептиком, в совершенстве обладал редким даром вдумчивой, зоркой любви и способностью глубоко чувствовать муки человека, слишком разнообразные и обильные. Он любил Русь, всю, какова она есть, со всеми нелепостями её древнего быта, любил затрёпанный чиновниками, полуголодный, полупьяный народ и вполне искренно считал его "способным ко всем добродетелям", но он любил всё это, не закрывая глаз, - мучительная любовь, она требует все силы сердца и ничего не даёт взамен. В душе этого человека странно соединялись уверенность и сомнение, идеализм и скептицизм.

Когда среди торжественной и несколько идольской литургии мужику раздался еретический голос инакомыслящего, - он возбудил общее недоумение и недоверие. На Руси читают много - от безделья, - но не особенно умело и внимательно; в семидесятых годах - впрочем, как и всегда - хорошей книгой признавалась та, которая совершенно совпадала с навыками мысли, вкусом и вообще консерватизмом читателя. В рассказах Лескова все почувствовали нечто новое и враждебное заповедям времени, канону народничества. Одним это новое казалось глумлением балагура, другим - злобою крепостника и реакционера, и почти никому не нравилась форма его рассказов; Лесков сумел не понравиться всем: молодёжь не испытывала от него привычных ей толчков "в народ", напротив - в печальном рассказе "Овцебык" чувствовалось предупреждающее "не зная броду - не суйся в воду!" Зрелые люди не находили у него "гражданских идей", выраженных достаточно ярко, революционная интеллигенция всё ещё не могла забыть романы "Некуда" и "На ножах". Вышло так, что писатель, открывший праведника в каждом сословии, во всех группах, - никому не понравился и остался в стороне, в подозрении; консерваторы, либералы, радикалы - все единодушно признали его политически неблагонадёжным; этот факт является ещё одним лишним доказательством, что истинная свобода обитает где-то вне партий.

Лесков укреплял отрицательное отношение к нему, заставляя своих героев говорить о народе слова неслыханные, обидные и, пожалуй, слишком горькие: "Ах вы, сор славянский, ах вы, дрянь родная!" - восклицает у него один трезвый человек по адресу орловских мужиков. И чем дальше, тем чаще встречаются такие суждения, как, например: "Народ глуп и зол", "безнадёжно тёмный, но не огорчён этим, а ещё прихвастывает".

Поэт Гейне, один из лучших демократов Германии, тоже говорил, что "кто любит народ - должен сводить его в баню", но Гейне такие злые шуточки прощали, а Лескову горестные заметы сердца его записывали в счет консерватизма.

Н. С. Лесков. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Людям необходимо было верить в свободомыслие мужика, в его жажду социальной правды, а Лесков печатает рассказ "Овцебык"; в этом рассказе семинарист пытается внушить мужикам, что всякий лесопромышленник – враг им, мужики соглашаются с пропагандистом... "Это ты правильно!" И тотчас доносят на него купцу: "Гляди, он не в порядке!" Бедняга пропагандист повесился, убедясь, что "через купца – не перескочишь", он висит на дереве, а стерегущий мужичок говорит "сладеньким, заискивающим голоском" купцу, который пришёл посмотреть на удавленника: "Ему – гнить, а вам – жить, Лександр Иваныч!"

Как могло это нравиться людям, веровавшим в мужика? В рассказе "Бесстыдник" интендант, много и благополучно наворовавший денег во время Севастопольской кампании, говорит, отвечая на упреки офицеров, изуродованных войною:

"– Вас поставили к тому, чтобы сражаться, и вы исполнили это в лучшем виде – вы сражались и умирали героями, на всю Европу отличились; а мы были при таком деле, где можно было красть, и мы тоже отличились – так крали, что тоже далеко известны. А если бы вышло, например, такое повеление, чтобы всех нас переставить одного на место другого, нас – в траншеи, а вас – к поставкам, то мы бы, воры, сражались и умирали, вы бы крали".

Лицо, которое ведёт рассказ о "бесстыднике", прибавляет от себя: "Бесстыдник-то, чего доброго, пожалуй, был и прав". Кому вообще могли нравиться подобные рассказы?

Так и жил этот крупный писатель в стороне от публики и литераторов, одинокий и непонятый почти до конца дней. Только теперь к нему начинают относиться более внимательно. Как раз во-время, ибо нам снова необходимо крепко подумать о русском народе, вернуться к задаче познания духа его.

Как художник слова Н.С.Лесков вполне достоин встать рядом с такими творцами литературы русской, каковы Л.Толстой, Гоголь, Тургенев, Гончаров. Талант Лескова силою и красотой своей немногим уступает таланту любого из названных творцов священного писания о русской земле, а широтой охвата явлений жизни, глубиной понимания бытовых загадок её, тонким знанием великорусского языка он нередко превышает названных предшественников и соратников своих. Различие Лескова с великанами литературы нашей только в том, что они писали пластически, слова у них – точно глина, из которой они богоподобно лепили фигуры и образы людей, живые до обмана, до того, что, когда читаешь их книги, то кажется: все герои, волшебны одухотворённые силою слов, окружают тебя, физически соприкасаясь с тобою, ты до боли остро чувствуешь их страдания, смеёшься с ними и плачешь, ненавидишь их и любишь, тебе слышны их голоса, виден блеск радости и влажный туман скорби в их глазах, ты живёшь с ними жизнью дружески сострадающего или враждебно отталкивающего их от себя, и всё это так же мучительно хорошо, как настоящая жизнь, только понятнее и красивее её.

Лесков – тоже волшебник слова, но он писал не пластически, а рассказывал и в этом искусстве не имеет равного себе. Его рассказ одухотворённая песнь, простые, чисто великорусские слова, снижаясь одно с другим в затейливые строки, то задумчиво, то смешливо звонки, и всегда в них слышна трепетная любовь к людям, прикрыто нежная, почти женская; чистая любовь, она немножко стыдится себя самой. Люди его рассказов часто говорят сами о себе, но речь их так изумительно жива, так правдива и убедительна, что они встают пред вами столь же таинственно ощутимы, физически ясны, как люди из книг Л.Толстого и других, – иначе сказать, Лесков достигает того же результата, но другим приёмом мастерства.

Тургенева, Гончарова и других почти не чувствуется в их книгах, когда они не хотят, чтобы их личное участие в жизни изображаемого ими чувствовалось читателем. Лесков почти всегда где-то около читателя, близко к нему, но его голос не мешает слушать странные полусказки, полубыли, которые кто-то рассказывает, точно старая мудрая нянька, – рассказывает с искусством и силою Гомера или всезнающего Геродота, но без утомительной торжественности древнего поэта и без наивной доверчивости "отца истории". Толстой, Тургенев любили создавать вокруг своих людей тот или иной фон, который ещё более красиво оживлял их героев, они широко пользовались пейзажем, описаниями хода мысли, игры чувств человека, – Лесков почти всегда избегал этого, достигая тех же результатов искусным плетением нервного кружева разговорной речи.

Строгие люди – их называют также пуристами, отчего они не становятся лучше и

Н. С. Лесков. Максим Горький gorkiymaxim.ru

милее, – строгие критики, якобы понимающие тайны и капризы словесного творчества глубже и яснее самих творцов, часто упрекали Лескова в том, что он искажал язык, говоря: "мимоноска" вместо "миноноска", "фимиазмы" вместо "миазмы", "три волнения" вместо – "треволнения" и так далее, но отчего же иногда не пошутить, хотя бы и неудачно? Неудачные шутки были свойственны даже богам.

А затем, Лесков писал в ту пору, когда в русскую речь широкою волною хлынула масса иностранных слов из переводных, популярно-научных сочинений и когда "гарантия", "субсидия", "концессия", "грюндерство" и прочие словечки, за которыми таились очень скверные понятия и дела, не могли не раздражать Лескова, человека насквозь русского, тонко знающего русский язык и влюбленного в его красоту.

Лесков – самобытнейший писатель русский, чуждый всяких влияний со стороны. Читая его книги, лучше чувствуешь Русь со всем её дурным и хорошим, яснее видишь запутанного русского человека, который, даже когда он искренно верует красоте и свободе, ухитряется быть рабом веры своей и угнетателем ближнего.

ПРИМЕЧАНИЯ

Впервые напечатано в виде вступительной статьи к изданию "Н.С.Лесков. Избранные сочинения в трёх томах", т. I, издание З.Гржебина, 1923.

В авторизованные сборники не включалось.

Печатается с небольшим сокращением по тексту первого тома названного издания.

...Писарев спрашивал в своей статье...

– в статье "Прогулка по садам российской словесности".

..."без страха и сомненья на подвиг доблестный"...

– из стихотворения А.Н.Плещеева "Вперёд! без страха и сомненья на подвиг доблестный, друзья!".

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!